

Быков А.В.
Елабуга

Романтические поэмы Байрона и Пушкина
(попытка нового взгляда)

Да, тема уже исследованная. В книге В.М. Жирмунского «Байрон и Пушкин»¹, в статьях Г.М. Фридендера² и других описаны все основные сходства и различия поэм Байрона и Пушкина. Итоги изучения темы «Байрон и Пушкин» подведены в недавней статье В.Д. Рака³. И всё-таки в умах большинства отечественных литературоведов и просто преподавателей литературы господствует не совсем верное, на наш взгляд, представление по этому поводу: неверно расставлены некоторые акценты. Хотелось бы предложить ещё один взгляд на эту тему.

Итак, общее мнение такое: в 1820-1823 годах Пушкин находился под серьёзным впечатлением и влиянием творчества Байрона и в первую очередь его «восточных» поэм (написанных в 1813-16 годах) и под этим впечатлением писал свои «южные» поэмы, основными своими чертами сходные с поэмами Байрона. При этом воплощал художественные открытия английского поэта по-своему. И к 1824 году преодолел свой собственный байронизм, и выразилось это в поэме «Цыганы», где Пушкин осуждает безмерный и бесчеловечный эгоизм байронического героя. «Романтический герой байроновского типа оказывается всего лишь эгоистом. ... Мир, увиденный глазами Байрона, оказался чёрно-белым, одномерным, плоским, упрощённым»⁴. «Зрелый Пушкин ... решительно одолел искус «байронизма» и вышел к новому, трезвому и реалистическому взгляду на жизнь»⁵. В цитируемых школьных учебниках всё это преподносится как

¹ Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы / В.М. Жирмунский. – Л.: «Наука», 1978. – 424 с.

² Фридендер Г.М. Поэмы Пушкина 1820-х годов в истории эволюции жанра поэмы в мировой литературе: (К характеристике повествовательной структуры и образного строя поэм Пушкина и Байрона) / Г.М. Фридендер // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 7: Пушкин и мировая литература. — М.; Л.: Наука, 1974. – С. 100-122. Публикация в интернете: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is7/is7-100-.htm>.

³ Рак В.Д. Байрон / В.Д. Рак // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 18/19: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии» / Отв. ред. В.Д. Рак. - СПб.: Наука, 2004. Публикация в интернете: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/isj-abc/isj/isj-0381.htm>.

⁴ В мире литературы. 10 кл. Учеб. для общеобразоват. учреждений / А.Г. Кутузов, А.К. Киселёв и др.; под ред. А.Г. Кутузова. – М.: Дрофа, 2003. – С. 84.

⁵ Лебедев Ю.В. Русская литература XIX века. 10 кл. Учеб. для общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 1 / Ю.В. Лебедев. – М.: Просвещение, 2002. – С. 127.

победа Пушкина над Байроном, победа более прогрессивного и мудрого реалиста над узким, сосредоточенным лишь на себе романтиком.

Может быть, в школьных учебниках так и надо писать - для воспитания любви к родной литературе. Но это во многом искажает суть дела.

В данной статье мы решили сравнить с точки зрения лучшие романтические поэмы Байрона - «Паломничество Чайльд-Гарольда»: песни 1-2 (1812), песня 3 (1816), песня 4 (1818) – в переводе В. Левика; «восточные» поэмы «Гяур» (1813, перевод С. Ильина), «Корсар» (1814, перевод Ю. Петрова), «Лара» (1814, перевод В. Топорова), «Паризина» (1816, перевод В. Левика), «Шильонский узник» (1816, перевод В. Жуковского), «Мазепа» (1819, перевод Г. Шенгели) и романтические поэмы Пушкина – «Кавказский пленник» (1821), «Братья разбойники» (1822), «Бахчисарайский фонтан» (1823), «Цыганы» (1824), «Полтава» (1828), «Медный всадник» (1833), сравнить с точки зрения их художественного качества, рассмотреть, кто кого и в чём победил.

Сразу нужно сделать оговорку, что поэмы Байрона мы будем рассматривать в их современных, лучших переводах на русский язык, в том виде, в каком они доступны сейчас современному российскому читателю. В данном аспекте Байрон мгновенно получает значительное преимущество языка, языка обработанного, устоявшегося, без устаревших, старославянских форм (например, усечённых прилагательных), которые ещё в достаточной мере встречаются у Пушкина, особенно грешит этим «Кавказский пленник».

Теперь нужно решить вопрос: что такое романтическая поэма. Это поэма, где на первом месте – лирическое начало, яркие, сильные страсти, эмоции, необычный, романтический герой, необычный, напряжённый сюжет, необычное, экзотическое место действия. Мы считаем, что «Полтава» и «Медный всадник», хотя и заключают в себе немало реалистических черт (как и все остальные поэмы Пушкина), в целом являются романтическими, ибо главное в них – яркие, сильные эмоции героев, находящихся в необычных, исключительных ситуациях. Да и вообще сам жанр поэмы – романтический по преимуществу⁶.

Наш изначальный тезис таков: романтические поэмы Пушкина были превосходны для русской литературы своего времени, совершенно заслуженно получили огромную любовь читателей, до появления лучших поэм Лермонтова оставались непревзойдёнными. Но именно как романтические поэмы они во многом уступают поэмам Байрона и Лермонтова.

В принципе это факт не новый и достаточно очевидный, просто надо о нём заявить открыто и прямо. «Творческая личность Пушкина, в целом, конечно, не романтическая. По типу таланта Пушкин – художник объектив-

⁶ Совсем другое дело ироническая поэма – «Беппо» Байрона или «Граф Нулин» Пушкина, там романтические страсти осмеиваются. Романтическая поэма же всегда серьёзна.

ный, художник реалистического плана»⁷ [6, с. 92]. С этим связаны все особенности – недостатки и достоинства – его романтических поэм.

В чём же Байрон превосходит Пушкина? Самое главное - поэмы Байрона наполнены более глубоким психологическим содержанием, ставят перед читателем по-настоящему сложные проблемы, а также они более эмоциональные, страстные, яркие, сюжетно интересные.

Пойдём по порядку. В отличие от пушкинских поэмы Байрона - психологические по преимуществу. Главное, что интересует автора – загадочность, сложность души героя. Особенно это характерно для трёх важнейших для Байрона «восточных» поэм – «Гяур», «Корсар» и «Лара». В «Гяуре» последний 15-страничный отрывок – это почти непрерывный анализ и самоанализ души главного героя, начиная со слов: «Надвинув тёмный капюшон, // На мир угрюмо смотрит он». В «Корсаре» психологический анализ постоянен: «Едва видны Зла внешние черты, // Дух там внутри – внутри, средь темноты!», «В моей душе есть тайна – никому // О тайне той не сказано ни слова», «Изобразим ли чувств бурлящий шквал? // Навряд ли даже сам он все их знал». То же самое в «Ларе». В других поэмах – психологизма меньше, ибо в них другой тип героя, но и там основное внимание приковывают, основное место занимают описания необыкновенных чувств. Суть «Шильонского узника» - описание страданий и иных чувств, ощущений человека, много лет проведшего в тёмной, сырой тюрьме и даже начинающего сходить с ума (IX строфа). Суть «Мазепы» - ощущения человека, привязанного к спине дикого коня, который несколько дней без остановки мчит по степям.

Но вернёмся к важнейшим поэмам Байрона, они глубоки и по-настоящему содержательны, их задача – показать и исследовать неоднозначную сложность души главного героя – Гяура, Корсара и Лары, основные черты которых – гордыня, презрение, неприязнь к большинству людей, готовность совершить преступление, нарушить общечеловеческие законы, пролить кровь невинных людей. При этом они описаны не только извне, но и изнутри. Мы получаем возможность посмотреть на мир глазами злодея. И выясняется, что у злодея могут быть и привлекательные черты, он может вызывать сочувствие, симпатию (сам автор своей симпатии не скрывает). В целом получается неоднозначный, сложный образ.

Наиболее бесспорный злодей – Лара, человек с загадочным прошлым, в котором было много всего, в том числе и преступного. Неразличение добра и зла – не просто декларация, в ходе поэмы Лара убивает человека, который собирался раскрыть некую тайну про него, в дуэли с другом убитого проявился весь его злобный характер:

Все видят: злоба Лары беспредельна,

⁷ Карташёва И.В. Романтизм в творчестве А.С. Пушкина / И.В. Карташёва // Русский романтизм / Под ред. Н.А. Гуляева. – М.: Высшая школа, 1974. – С. 92.

И страшное убийство предстоит.
В бою спокоен, холоден и сдержан,
Взъярился Лара, и заволокла
Теперь, когда недавний враг повержен,
Весь облик демоническая мгла.
То, что отвагой, опытом, искусством
В бою казалось, - сразу облеклось
В убийственную ненависть и злость.

Но при этом в Ларе были видны переживания, печаль, разочарование, одиночество.

Он – враг людей? Зачем же громче всех
Смеётся на пиру? Но этот смех,
Внезапно вспыхнув и угас мгновенно,
Усмешкою уста искривлены,
А очи остаются холодны,
Надменны и печальны неизменно.

Но более всего он привлекателен глубиной своей души, духовной силой, масштабностью страстей, которые несмотря ни на что жили в нём.

Он себялюбья мелкого не знал.
Одною мыслью вечно вдохновлён –
Не ведать равных! Этим искушеньем
Охваченный, не погнушался б он
Вступить на путь, ведущий к преступленьям.
Не ведать равных! Люди на земле
Едва ль такой исполнятся отваги,
Чтоб подглядеть, как он погряз во зле,
Чтоб разглядеть, как он расцвёл во благе.
Обычные заботы унялись
В его душе, а дух в такую высь
Взлетел, что кровь струилась по-иному,
Лишь отвращенья полная к земному.

Его беззаветно любил паж (оказавшийся впоследствии переодетой де-вушкой), его любили крестьяне (он был феодал), любили несмотря на его злобу.

При этом надо учитывать, что Байрон не только воспекает его, но и даёт понять всю безнадёжность и неизбежный трагизм образа Лары, его судьбы. Можно даже сказать, что он осуждает его, насколько можно вообще осудить самого себя или человека, очень близкого тебе (герои Байрона – его второе «я»).

У Пушкина в творчестве есть подобные неоднозначные злодеи, но в основном в других произведениях, Пугачёв, Дон Гуан, также подобные мысли – о привлекательности того, что принято считать злом - выражает Председатель в «Пире во время чумы». В романтических поэмах таких

психологических сложностей почти нет. Герои «Братьев-разбойников» целиком осуждены как злодеи и приведены к раскаянию. В «Цыганах» Алеко выведен как однозначный эгоист и однозначно автором осуждён. В «Полтаве» Мазепа – однозначный злодей. В «Бахчисарайском фонтане» всё сложнее, почти оправдана своей страстностью преступница Зарема, но всё же автору явно милее кроткая Мария. Да и сама поэма настолько мала по объёму, эскизна, что ни о какой глубине постановки проблемы говорить не приходится. И только в «Медном всаднике» есть подлинная сложность, там государственное величие, государственная необходимость оборачивается злом, но однозначно не осуждено.

В любом случае в романтических поэмах Пушкина проблема конкретного человеческого зла не поставлена с такой глубиной, как у Байрона. Тенденция однозначного осуждения злодея хороша для воспитания детей, но несколько не способствует подлинному познанию самого феномена зла, его противоречивости, его привлекательности, его живучести и неистребимости. Большинство поэм Пушкина даёт читателю значительно упрощённую картину мира, картину мира детской сказки (неслучайно В.Непомнящий выявил определяющую важность, архитипичность пушкинских сказок⁸). Поэмы Байрона – это взрослое, трагическое понимание мира, его сложности, понимание мира на ином, неклассическом уровне (см. о неклассической картине мира - статью Н.Л. Лейдермана⁹).

Теперь рассмотрим вопрос: можно ли считать Алеко байроническим героем, которого Пушкин осудил устами мудрого старого цыгана? Да, он также страстен, эгоистичен, не любит человеческое общество, «неволюдушных городов». Но Алеко напрочь лишён байронической глубины, сложности, внутренних искренних страданий, печали, духовной силы, масштаба личности, а стало быть и привлекательности. Алеко не дан изнутри. Именно поэтому он – лишь контур, картонная нарисованная фигура, карикатура по сравнению с живыми байроническими героями. В своём главном поступке - убийстве влюблённых - Алеко настолько однозначно мелок и гадок, что это совершенно не вяжется с общим духом байронического героя, для которого любовь – это святое, даже для Лары.

Таким образом, Пушкин перед тем как осудить байронического героя, значительно его упростил и исказил, так что в результате осудил карикатуру.

Это произошло в том числе и потому, что для пушкинских поэм вообще не свойственен сколько-нибудь глубокий психологизм, за исключе-

⁸ Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина / В.С. Непомнящий. – М., 1987. – С. 187-260.

⁹ Лейдерман Н.Л. Мировые образы Космоса и Хаоса в русской литературе XX века / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий // Лейдерман Н.Л. и Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950-1990-е годы. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. – Т. 1: 1953-1968. - М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 12-18.

ний, пожалуй, «Полтавы», где есть довольно значительные куски психологического анализа. В целом же Пушкин предпочитает описывать внешние картины и действия персонажей (что, конечно, можно назвать скрытым психологизмом). Поэтому и герои его производят впечатление лишённых глубокой внутренней жизни. Байрон же, наоборот, глубоко (иногда слишком глубоко) погружается в душу героя, в её самые тонкие нюансы.

В поэмах Пушкина много страстей – во всех, кроме «Кавказского пленника» (эта поэма у Пушкина сегодня производит наименьшее впечатление, прежде всего из-за преобладания этнографических описаний и бесстрастности главного героя). И всё же сравниться по силе страстей с поэмами Байрона они не могут. Например, «Паломничество Чайльд-Гарольда» – в поэме на первом месте яркие, глубокие чувства самого автора, а не героя. Особенно потрясающе описание ночи в швейцарских горах: сначала одуряющая тишина, растворяющая человека в природе, потом бушевание бури, пробуждающей в душе взрыв сильнейших страстей (песня 3, строфы 86-98). В описании бури Байрон выразил суть своей души. Этот небольшой отрывок – пик его поэзии – по напряжённости, яркости, искренности чувств.

О, если бы нашел я воплощенье
И выразил хотя б не всё, хоть часть
Того, что значит чувство, увлечение,
Дух, сердце, разум, слабость, сила, страсть,
И если б это всё могло совпасть
В едином слове "молния" и властно
Сказало бы, что жить дана мне власть, -
О, я б заговорил! - но ждать напрасно:
Как скрытый в ножнах меч, зачахнет мысль безгласно.

И в других поэмах Байрона страсти также сильны, они пропитывают собой все элементы повествования. Пушкин же менее страстен в силу своей природной тяги к реалистической объективности, описательности.

Ну и наконец, у Байрона более развёрнутый и напряжённый романтический сюжет, состоящий из нескольких ярких эпизодов, и потому его поэмы более интересны. В них больше действия. Большинство же поэм Пушкина кратки, непосредственно действие в основном ограничивается одним ярким эпизодом, остальные события даны в более спокойном пересказе повествователя (за исключением «Полтавы»). Сравните с «Корсаром». В 1 песне главный герой, предводитель шайки пиратов, возвращается из очередного похода, тут же принимает решение немедленно напасть на турок, прощается с возлюбленной Медорой. Песнь 2: проникновение Корсара под видом дервиша во дворец турецкого паши, бой пиратов и турок, ход которого меняется, пожар, от которого Корсар спасает гарем паши, ранение и плен Корсара, разговор с полюбившей его наложницей паши Гюльнар. Песнь 3: Гюльнар убивает пашу, освобождает Корсара, они вместе воз-

вращаются, он узнаёт, что Медора умерла, думая, что он погиб. Корсар исчезает.

Ни в одной пушкинской поэме нет столь насыщенного яркими, эмоционально описанными событиями сюжета.

В статье мы больше говорили о поэмах Байрона, так как о них наши литературоведы и просто читатели знают гораздо меньше. Так что одна из целей статьи – защита и пропаганда поэм Байрона. Хотя и в них есть недостатки – некоторая растянутость, излишняя стилистическая сложность, порой запутанность. Неправдоподобие чувств и ситуаций, на наш взгляд, недостатком не является, поскольку вполне уместно и даже необходимо в романтической поэме.

Общий вывод такой. Пушкин – поэт ничуть не хуже, чем Байрон, но его самые сильные стороны – мудрая объективность, точность, правдивость в описании реальной жизни, глубокое познание исторических законов – по-настоящему проявились в других, реалистических его произведениях. Для романтических же поэм более подходил субъективный, страстный характер Байрона. Как романтик Пушкин серьёзно проигрывает Байрону.

И вообще хочется предостеречь горячие патриотические головы от излишнего превознесения русской литературы над литературой западной, обычно оно основано на простом незнании последней.